

© 2018 г. А. К. Сухарев
г. Москва, Россия

**ЗАЧЕМ ВОЛХ В ИНДИЮ ХОДИЛ?
ИЛИ СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШИХ СКАЗАНИЙ О ВОЛХЕ
В БЫЛИНЕ «ВОЛХ ВСЕСЛАВЬЕВИЧ»**

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению двух ключевых эпизодов в былине «Волх Всеславьевич», повествующей о походе Волха в Индию: совместной охоты Волха и его дружины и тайного визита Волха в Индийское царство накануне своего вторжения туда в сопровождении дружины. На материале второго эпизода восстанавливаются черты исконного образа Волха как героя богатырской сказки, который в одиночку проникал в иной мир с целью похищения оттуда какой-то добычи и как типичный сказочный герой во время выполнения трудной задачи прибегал к волшебству ради сохранения своей жизни. На материале первого эпизода восстанавливаются элементы древнего мифа творения, в котором Волх выступал в роли тотемного предка и культурного героя, сотворившего людей и разнообразных животных для их пропитания.

Ключевые слова: Волх, Вольга, культурный герой, миф творения, волшебная богатырская сказка, русский эпос, героический эпос, былины.

Информация об авторе: Александр Константинович Сухарев — кандидат исторических наук, Московский государственный институт культуры, ул. Библиотечная, д. 7, 141406 Московская область, г. Химки, Россия. E-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.09.2017

Дата публикации: 15.06.2018

Для цитирования: Сухарев А. К. Зачем Волх в Индию ходил? Или следы древнейших сказаний о Волхе в былине «Волх Всеславьевич» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 179–199.

Уже давно былина о Волхе или Волхве, та, в которой повествуется о его чудесном рождении и походе на Индийское царство, признана одной из древнейших песен русского героического эпоса [9, с. 70–76]. Ее древность заключается в обилии архаических деталей, которые в своей совокупности резко выделяют эту песнь из прочих былин. Многие из этих деталей выявил и блестяще проанализировал В. Я. Пропп, пришедший к выводу о том, что в лице Волха перед нами предстает не типичный киевский богатырь-воин, защитник родной земли и народа, а древний полумифический персонаж с чертами тотемного предка, синтезирующий в себе верования и идеалы людей эпохи первобытнообщинного строя, а также общественные представления, отношения и мировоззрение общества охотников-рыболовов, живущих в условиях родоплеменного строя, в котором присутствует уже ярко выраженный элемент вождества [9, с. 72, 74].

Действительно, в фигуре Волха есть много черт, сближающих его скорее с древним вождем, нежели с богатырем эпохи Киевской Руси. Вся его жизнь проходит в окружении лично им набранной дружины, их связывают между собой тесные патриархальные узы, они все делают сообща, все время проводят вместе, дружина подчиняется Волху как отцу, старейшему и мудрейшему среди них, вся их жизнь сосредоточена лишь на охоте и войне¹.

К числу прочих особенностей, отличающих Волха от других русских былинных богатырей, относятся реальная цель его похода в Индийское царство и способ ведения им войны. Из анализа деталей сюжета былины хорошо известно, что поход Волха в прошлом, до включения этой песни в киевский цикл, в действительности носил не оборонительный, а грабительский, и даже более того, завоевательный характер, что, по мнению В. Я. Проппа, отражает реалии родоплеменного общества [9, с. 73–75], жизнь которого, подобно общинам ахейских греков Гомера или древних и раннесредневековых германцев и норвежцев, была наполнена многочисленными столкновениями с соседями, сопровождавшимися грабежом, угоном скота, порабощением или истреблением людей, преследованием только одной цели — нетрудовой наживы. Ведущую роль в этих набегах и столкновениях играли отдельные, и далеко не обязательно общеплеменные, вожди и пребывающие под их началом на постоянной или временной основе дружины.

Что касается способа ведения войны, то он в былине самый необычный, ибо Волх действует не оружием, а волшебством, в результате чего он покоряет и разоряет вражеское царство без кровопролитных битв и изнурительных осад — быстро и молниеносно, так что завоевание походит скорее на истребление заведомо немогущего противника. Волшебные умения Волха заключаются в его способности перевоплощаться в различных животных и превращать в них других людей, которые он ярко демонстрирует во время индийского похода, где, превратившись в сокола, он летит вперед дружины в стан врага и приводит в негодность все вражеское оружие, а затем, подведя свою дружину к самым вратам вражьего царства, обращает ее в муравьев, позволяя тем самым ей с легкостью преодолеть неприступную ограду вражьей твердыни.

Своими волшебными умениями Волх пользуется и в мирной жизни, например, во время совместной охоты с дружиной, описанию которой в песне отведено значительное место как отдельному достославному деянию и подвигу Волха, так что порой отдельные варианты былины едва не ограничиваются рассказом об одной лишь этой охоте². В иных вариантах эпизод с охотой может переноситься из начала песни в середину, в сцену похода, во время которого Волх устраивает охоту с целью прокормления дружины по пути во вражескую землю³. Стоит заметить, что в обоих случаях превращения Волха являются не магией⁴, а волшебством совсем иного рода. Он не пользуется

¹ ПД № 1, Ст. 10–69; Ст. 74–95; № 2, Ст. 20–40; № 5, Ст. 27–38; Ст. 64–83; Ст. 95–115. К аналогичным выводам пришел в своей статье и Н. Н. Носов, см.: [8, с. 19–27].

² ПД № 1, Ст. 10–68; ПД № 2, Ст. 15–39.

³ ПД № 5, Ст. 71–82.

⁴ За исключением эпизода с превращением дружины в муравьев, где Волх направляет свои волшебные способности, свою силу не на себя самого, а на сторонних людей, таковой силой не обладающих. В данном случае он, безусловно, выступает как маг и чародей. Но стоит отметить, что эта магия вторична и вызвана включением в сюжет былины дружины, как неотъемлемой соучастницы всех подвигов Волха, которая отныне выступает будто его органическим, телесным продолжением, и потому он так же легко обращает ее в иную телесную форму, как легко и естественно делает это с самим собой.

заклинаниями, травами, отварами, телесными манипуляциями, а превращается в иных существ по мановению одной лишь воли, из чего можно заключить, что его оборотничество есть свойство его природы, оно присуще ему от природы и столь же естественно для него, как способность передвигаться, видеть или дышать. Так, веля дружине плести и расставлять для ловли рыбы, зверей и птиц сети и силки, сам Волх, вместо того чтобы делать то же самое, оборачивается соколом и летит в поднебесье, гоня и сбивая птиц, затем оборачивается волком и рыщет по глухим лесам, выгоняя оттуда дичь навстречу расставленным сетям, или в образе волка сам рвет и режет добычу и приносит ее дружине⁵. Отправляясь на разведку в Индийское царство, он снова оборачивается соколом и летит туда, а не едет верхом или идет пешком, как следовало бы обыкновенному воину или богатырю из круга Владимировой киевской дружины⁶. Действовать в обликах различных животных и решать таким способом поставленные задачи Волху привычно и легко, о чем говорит и тот факт, что в зависимости от обстоятельств и характера конкретной стоящей перед ним задачи он принимает облик разных животных, наиболее подходящий для конкретных условий. Волх привык так поступать и не умеет действовать иначе, и оборотничество является неотъемлемой стороной его жизни.

Сочетание в Волхе двух основных черт и двух видов деятельности — черт оборотня и военного предводителя, вождя, а также его занятий охотой и грабительским набегом — позволили ученым выявить две бесспорно присутствующие в былине стадии эволюции данного персонажа: тотемного предка, родоначальника первобытной общины древних охотников и рыболовов, и военного вождя, предводителя племени или отдельной соседской родовой или территориальной общины⁷ [9, с. 72–75; 7, с. 32–33, 36–39; 8, с. 19–27], аналогичного тем вождям, которые известны нам на примере норвежских конунгов и хёвдингов из исландских саг. Соответственно можно говорить и о том, что сама песнь, или, вернее, ее сюжет, прошла как минимум через два этапа в своей эволюции, до того как стать одной из песен киевского цикла. Однако в большинстве работ, затрагивавших так или иначе эту былинку, дело ограничивалось лишь констатацией наличия в ней признаков нескольких этапов развития без углубленного анализа ее текстов и сюжета, поскольку она не являлась непосредственным объектом их изучения⁸. И таким образом в ее составе были выявлены далеко не все архаичные детали, которые позволили бы восстановить некоторые элементы ее сюжета в их исконном виде. Между тем в былине о Волхе есть ряд мотивов, которые при сравнении с героическими песнями других народов позволяют проследить еще одну стадию на пути ее долгого развития — стадию, когда ее главный герой из тотемного предка с чертами культурного героя стал персонажем волшебной сказки, еще лишенным черт военного вождя и являющимся героем-одиночкой⁹. Кроме того, в этой былине есть ряд мотивов, которые позволяют гораздо глубже раскрыть портрет Волха в его ипостаси тотемного предка и культурного

⁵ ПД. № 1, Ст. 10–68; ПД. № 2, Ст. 15–39; ПД. № 5, Ст. 71–82.

⁶ ПД. № 1, Ст. 93–100; ПД. № 5, Ст. 35–45.

⁷ При этом, пытаясь отыскать мифические корни былинного образа Волха, исследователи пытались связать его с образом того или иного славянского божества, вроде Велеса или Перуна, а разбирая образ Волха как военного вождя и князя, старались найти его реальный исторический прототип в среде русских князей эпохи Киевской Руси, см. подробнее: [7, с. 32–44]. Подробно же образ Волха как тотемного предка не разбирался.

⁸ Эту же особенность в судьбе изучения данной былинки прослеживает и Н. Н. Носов, см.: [7, с. 32–33].

⁹ О путях эволюции тотемных предков и культурных героев в персонажах волшебных и волшебных богатырских сказок в эпосе различных народов см.: [4, с. 25–94].

героя и обнаружить остаточные элементы очень древнего мифа первотворения. Начнем наш обзор ретроспективно, двигаясь от более поздних и близких к нам по времени их возникновения мотивов былины к более ранним и отдаленным, уходящим в седую глубь веков.

В былине о Волхе, в частности в эпизоде с походом в Индийское царство, бросается в глаза одна ярко выраженная деталь — чрезвычайно слабое взаимодействие Волха с его дружиной, и можно сказать даже более категорично, пассивность его дружины. Особенно ярко эта деталь проступает во время похода. Напомним, что, собираясь в поход против индийского царя, чтобы якобы защитить Русь от его нападения, Волх берет с собой дружину. Однако он направляется во вражескую землю вместе с ней не сразу. Сначала Волх наказывает своей дружине обождать, а сам, обернувшись соколом, летит в Индийское царство, дабы разведать, по его собственным словам, замыслы врага. Долетев до хором царя и сев на окошко его почивальни, Волх подслушивает разговор царя с царицей, из которого становится ясно, что тот собирается в поход на Русь и намерен склонить под меч самого Волха, как защитника Русской земли. Тогда Волх оборачивается горностаем и бежит в царские погреба, где портит и выводит из строя все хранящееся там оружие. Причем, по-видимому, это все оружие, которым индийский царь вообще располагал, ибо позже, приведя к стенам Индийской твердыни свою дружину, Волх велит ей не сражаться, а избивать без пощады все местное население¹⁰, из чего можно заключить, что обитатели Индийского царства, благодаря вредительской акции Волха накануне, остались вовсе без оружия. Волх перегрызает тетивы у луков, выгрызает из ружей кремни и закапывает их в землю, пряча их таким образом, чтобы слуги и воины царя их не нашли и не смогли воспользоваться этими ружьями. После этого Волх вновь оборачивается птицей и возвращается к своей дружине и теперь уже зовет ее за собой в поход, чтобы упредить врага и не пустить его на Русь. По пути он неотрывно следует рядом с дружиной, лишь периодически обращаясь то в сокола, то в волка, то в щуку, чтобы наловить птиц, зверей и рыбы для пропитания войска в походе¹¹. Наконец, придя под самые стены и ворота Индийского царства, Волх, видя неприступность твердыни, обращает своих дружинников и себя в муравьев, и они все вместе пробираются сквозь крошечные щели за ограду. И затем Волх велит дружине ступать по Индийской земле и резать всех, не щадя ни старого, ни малого, оставляя одних лишь девиц брачного возраста, коих им можно будет взять себе после в жены¹². Отметим еще раз, что перед дружиной ставится задача не сражения с врагом, а его избивания, что подразумевает полную беззащитность и безоружность врага, которого ожидает участь оставшегося в домах мирного населения в тот момент, когда враги, сокрушив стены и истребив всех способных держать оружие и сражаться защитников, устремляются лавиной в обнаженный город и режут всех на своем пути. Вероятно, такая форма приказа Волха мотивирована тем, что главную задачу он уже выполнил накануне сам: рыская горностаем по погребам, он оставил обитателей вражеского царства без средств нападения и обороны.

¹⁰ ПД № 5, Ст. 95–99: «“Ай же вы, удалы добры молодцы, ходите вы по царству Индейскому, рубите вы старого и малого, оставляйте вы себе только по выбору душечек красных девушек”. И пошла дружина тут по Индии, рубила она старого и малого».

¹¹ ПД № 5, Ст. 72–82: «Волхв обернётся ясным соколом, он летает, бьёт птицы разныя. Он обернётся щукой-рыбою, и ловит он рыбу разную. Он обернётся серым волком, скачет он по густым лесам, скачет он по чистым полям, он давит-режет животны разныя».

¹² ПД № 5, Ст. 95–103.

Но возникает вопрос: зачем Волх это сделал? Для чего ему забегать заранее во вражеское царство, рыскать в одиночку горностаем по погребам, портить оружие, когда при нем есть воинская дружина? К чему все это волшебство, когда можно было бы обойтись лишь силой оружия, как и подобает воинам. Первый и самый очевидный ответ напрашивается сам собой, если сравнить между собой Волха и его дружину. Его люди, в отличие от своего предводителя, не обладают волшебными способностями — не летают (ибо Волх, следуя уже с ними, вынужден передвигаться посуху и столь же медленно, как и они)¹³ и не рыскают волком. В отличие от вождя, они более уязвимы. Поэтому вполне естественно предположить, что Волх испортил все оружие в Индийском царстве для того, чтобы уберечь свою немногочисленную дружину, в составе которой было всего «тридцать молодцев без единого», от возможных тяжких и невозполнимых потерь. Такое объяснение было бы вполне допустимо, если бы не одна важная деталь, возникающая тут же, в эпизоде с походом. Для преодоления неприступных ворот Волх без труда обращает своих воинов в муравьев. Нам также известно, что в его арсенале был целый ряд и куда более внушительных образов животного мира. И в этом случае вполне уместно задать вопрос: а что собственно мешало Волху после преодоления стены обратить дружинников в таких животных, которые смогли бы смести вражеских воинов без урона для себя или что мешало ему обратить всех боеспособных жителей вражьего царства в тех же муравьев и покончить с ними без труда, не тратя время на уничтожение всех их луков, стрел и ружей? На наш взгляд, неиспользование Волхом таких средств защиты весьма подозрительно, поскольку ничто не мешает ему ими воспользоваться.

Второй вероятный ответ может заключаться в желании Волха напугать индийского царя, чтобы заставить его отказаться от своих злонамеренных планов против Руси, тем более что именно так все и происходит в ряде кратких вариантов песни, где Волх, опять же упреждая своего противника, летит в его царство, садится на окошко его чертогов, чтоб подслушать его планы, а затем дает ему знать о своем присутствии и тем так сильно пугает его, что тот решает не связываться с могучим богатырем и не нападать на Русскую землю¹⁴. Порча Волхом оружия в стане врага, конечно, могла иметь аналогичный эффект. Но есть два обстоятельства, которые также говорят против и этой версии. Во-первых, Волх портит оружие в царских погребках тайно, будучи скрыт от чужих взоров, и, возможно, даже ночью¹⁵. Если он это делает с целью запугать врага, тогда явно требовалось, чтобы тот проведал о случившемся и как можно скорее. Но никто не видел и не слышал Волха, и никто не подозревает о том, что случилось в погребках. Пока враги собрались бы в них спуститься, могло пройти много времени, в зависимости от того, как скоро царь окончательно решил бы выступать в поход на Русь. В любом случае эффект от такого средства запугивания мог быть не быстрым. А кроме того, если бы Волх хотел таким образом напугать царя, ему следовало бы в этом случае выждать какое-то время, чтобы узнать реакцию врага и убедиться в успешности или, наоборот,

¹³ ПД № 5, Ст. 64–85.

¹⁴ ПД № 1, Ст. 143–155.

¹⁵ О том, что рейд Волха в Индийское царство мог быть ночным, косвенно указывает тот факт, что иногда он подслушивает разговор царя и царицы в тот момент, когда они находятся в спальне (ПД № 1, Ст. 99–105). Само по себе упоминание спальни еще ничего не говорит о времени действия в былинке. В конце концов супруги могли вести диалог в спальне в любое время, однако, учитывая, что Волх стремится во время своего визита остаться незамеченным и у него это вполне выходит, напрашивается мысль о том, что дело могло разворачиваться и ночью. Хотя точных данных на сей счет все же нет.

безуспешности своей акции. Но Волх этого не делает. Возвратившись к дружине, он тут же командует поход и движется на врага, не дожидаясь его реакции. Так что и версию с попыткой устрашения индийского царя можно так же отвергнуть.

Разоружив подданных индийского царя, Волх фактически преподносит своей дружине вражеское царство в качестве легкой добычи, практически пойманной и беззащитной дичи, подобно тому как он поступает во время охоты, выполняя всю самую трудоемкую работу сам и загоня всю живность своей дружине прямо в руки, либо принося ей уже пойманную им без ее участия дичь. Дружине по прибытии в Индийское царство остается лишь одно — просто вырезать всех под корень, даже не вступая в реальный бой. Но в этом сокрыт некий неизбежный парадокс, который можно выразить одним вопросом: а зачем вообще тогда нужна Волху в его походе дружина, если в былинной целию похода провозглашается борьба, война с потенциальным врагом, а Волх при этом в один день или ночь в одиночку практически решает исход всей кампании? Как могучий богатырь, да вдобавок и оборотень, он с легкостью мог бы довершить начатое дело до конца и сам, подобно знаменитым героям-аргивьянам Диомеду и Одиссею¹⁶. Но при этом он этого не делает. Волх не доходит буквально шага, причем самого короткого и легкого, для достижения конечной цели и отступает. Это вызывает недоумение и явно говорит о том, что в этом эпизоде кроется какое-то противоречие, как в поведении героя, так и в мотивах его поступков. Во всем эпизоде есть что-то, что идет вразрез с существующей в песне трактовкой всего сюжета и образа главного героя¹⁷.

И вновь встает вопрос о причине столь таинственного посещения Волхом Индийского царства накануне его завоевания. Он летит туда, обернувшись птицей, а позже, обернувшись из птицы горностаем, проникает в оружейные погреба и портит находящееся там оружие. В обоих случаях Волх стремится сделать свое пребывание во вражеской земле незамеченным, но зачем ему это нужно? Если дело заключается не в стремлении навести страх на врага, то, может быть, причина кроется в желании усыпить его бдительность, не дать ему спохватиться раньше времени, если он обнаружит причиненный урон прежде времени и таким образом моментально поймет, что над его царством уже нависла угроза? Такое предположение было бы вполне допустимо, если бы дружина Волха уже находилась на подходе к границам Индийского царства. Однако в былинной изображается совсем другая картина. Волх временно расстается со своей дружиной не во время уже начатого похода против индийского царя, а еще дома, когда та только готовится к походу, причем велит ей оставаться на месте и дожидаться его¹⁸. Значит, все то время, пока Волх добирается в одиночку до Индийской земли и рыщет по ее просторам, его дружина находится дома без движения. Следовательно, атаковать врагов тут же, после того как он испортил их оружие, вместе с дружиной Волх не может. Добавим к этому, что в былинной никогда не говорится точно, сколько времени у Волха занима-

¹⁶ В «Илиаде» рассказывается, как после боя, едва не окончившегося поражением ахейцев, двое вождей аргивян, Диомед и Одиссей, отправившись на разведку во вражеский стан, проникли ночью в стан фракийцев, пришедших на помощь троянцам и разбивших свой лагерь под стенами Трои. Воспользовавшись тьмой и безмятежным сном, объявшим врагов, которые ввиду своей многочисленности и близости стен города и лагеря самих троянцев, не чуяли никакой опасности, два героя прокрались в самое нутро вражеского стана и убили не только несколько десятков фракийских воинов, но и самого их предводителя — царя Реза (*Илиада* X. 260–505).

¹⁷ Что, согласно уже многократно проверенной на практике теории В. Я. Проппа, свидетельствует о том, что в данных местах в былинной присутствуют следы трансформации исконного сюжета, см. подробнее: [9, с. 20–59, 60–61].

¹⁸ ПД № 1, Ст. 93–95; № 5, Ст. 35–40.

ет повторное возвращение к пределам Индийской земли совместно с его дружиной. Но есть косвенные намеки на то, что путь этот был не близкий. Певцы традиционно характеризуют путь как дальнюю дорожку¹⁹, во время похода Волх неоднократно обращается различными хищниками и ловит добычу, чтобы прокормить своих воинов²⁰, а значит, поход занял некоторое время и не был молниеносным, ведь его дружина, как он, не летает. Но тогда откуда Волх мог быть уверен в том, что сам готовящийся по сюжету былины к походу на Русь индийский царь не обнаружит своевременно испорченное оружие и не приступит к его исправлению? Если речь идет о земном царстве, каковой Индийская земля в былине и предстает, то тетива у луков явно не одна, и запасные кремни к ружьям у царя также должны иметься. Важная особенность рейда Волха в одиночку в Индийское царство заключается в том, что его результат должен носить кратковременный эффект.

Ответ на вопрос, в чем тогда вообще заключается смысл этого рейда и порчи вражеского оружия, вытекает из ответа на все тот же самый вопрос, сформулированный выше: зачем Волх стремится остаться в Индийском царстве незамеченным и осуществляет свою подрывную акцию тайно? Если смена обличий и форм продиктована не желанием напугать противника всей неожиданностью произошедшего и не стремлением усыпить до поры его бдительность, вместе с тем подготовив своей дружине легкий путь к победе, то тогда остается всего один возможный вариант — допустить, что Волх обращается птицей и горностаем из соображений осторожности. Оставаясь во вражеском царстве в своем подлинном облике, Волх неминуемо привлек бы к себе внимание, выдал бы себя. Конечно, можно допустить, что он принял облик горностаем в том числе и для того, чтобы иметь возможность легче проникнуть в погреба, которые, по всей вероятности, были заперты, поступая в данной ситуации аналогично тому, как он и его дружина впоследствии, наткнувшись на неприступные ворота и стены индийской твердыни, обратились в муравьев и проникли внутрь сквозь щели. И для этого может быть найдено вполне логичное объяснение, если допустить, что Волх обладает лишь волшебством, позволяющим ему менять только свой собственный облик, но не дающим ему возможности воздействовать на объекты внешнего мира, что, как мы уже отмечали выше, просматривается в былине довольно отчетливо и является отличительной чертой волшебных умений Волха. Волх просто не умеет воздействовать магией на предметный мир. В этом случае, встречая на своем пути препятствие в виде, вероятно, запертых дверей, он обращается в маленького юркого зверька, способного найти лазейку внутрь, и таким образом выходит, что Волхом движут чисто утилитарные соображения. Однако нельзя забывать, что, несмотря на это, в былине за Волхом уже замечаются волшебные навыки и иного рода. Ведь превращая дружину в муравьев, он воздействует на внешний объект, а значит, чисто теоретически может трансформировать и прочие объекты окружающего мира. Но, как бы то ни было, обращение горностаем явно преследует не только чисто утилитарную цель, но призвано также уберечь героя от опасности быть обнаруженным во время его предприятия.

Об этом говорит сам факт обращения Волха в птицу, в облике которой он проникает едва ли не в самые покои дворца вражеского царя, оставаясь никем не замеченным до тех пор, пока сам в некоторых вариантах не выдает себя, подав голос из желания напугать беспечного врага²¹. Кроме того, о том, что Волха вынуждает к перемене об-

¹⁹ ПД № 5, Ст. 71.

²⁰ ПД № 5, Ст. 72–83.

²¹ ПД № 1, Ст. 143–155.

лика во время визита в Индийское царство не только соображение простоты и удобства, поскольку ему привычнее и проще действовать в личинах разных животных, говорит соответствующая оценка всего эпизода самими сказителями. В одном из вариантов былины, где дело до совместного похода Волха с дружиной против индийского царя так и не доходит, но имеется сцена приготовления Волха и дружины к нему, Волх, прежде чем отправиться на разведку в Индийское царство²², предлагает сначала сделать это добровольцу из числа своей дружины. Однако добровольца так и не находится, более того, все воины Волха с нескрываемым страхом прячутся друг за друга, боясь, словно смерти, этого задания. Вполне резонно предположить, что дружиной Волха движет страх перед гибелью в той вражеской земле, и никто из них, не обладая способностями Волха, не надеется остаться там в живых. Естественно, что сцена с уклонением дружины от предложенной миссии была вызвана к жизни тем обстоятельством, что в более ранних вариантах песни, не дошедших до нас, Волх посещал Индийское царство один, не имея при себе спутников, что со временем, когда образ Волха стал все более сближаться в сознании аудитории с реальным князем или воеводой, непрерывно сопровождаемым в своих походах дружиной, стало казаться непонятным и требовало объяснений. Иначе неясна была бы вообще роль дружины при Волхе-князе или Волхе-вожде. Объяснение одиночеству Волха во время его первого визита в Индийское царство было найдено в традиционном для других былин киевского цикла приеме. Сцена с описанием того, как дружинники Волха прячутся друг за друга, конечно, представляет собой распространенный в былинах штамп, позаимствованный, видимо, из песен о Добрыне или Илье Муромце, где подобное поведение для участников пира у князя Владимира в минуту, когда он хочет поручить кому-либо крайне опасное задание, является традиционной поэтической формулой. Всякий раз, когда Владимир ищет богатыря, который исполнит его поручение, все в страхе прячутся друг за друга, и только один человек, главный герой, по собственному почину или по совету пытающихся скинуть с себя нависшую угрозу на другого княжеских клеветников, берется в итоге исполнить поручение. Но поскольку Волх в этой песне сам главный герой, и богатырь и предводитель в одном лице, то после отказа дружины от выполнения поручения ему не к кому более обратиться и приходится самому решать поставленную задачу. И таким образом его визит в Индийское царство в полном одиночестве ради разведки получает логическое обоснование. И хотя в данном эпизоде отказа дружины от поручения мы имеем дело с поэтической формулой, однако принципиально важно, что певец посчитал возможным и даже нужным ввести эту формулу именно в песнь о Волхе и именно в это место в сюжете. Сам по себе этот факт говорит об оценке, которую дает исполнитель задуманному Волхом предприятию. Оно крайне опасно и не по плечу простому воину из числа Волховой дружины. Повторим вновь, что никто из его соратников явно не надеется на благополучный исход этой разведывательной миссии.

²² На самом деле в данном тексте (ПД № 1) в качестве вражеской земли фигурирует вовсе не Индийское царство, а Золотая Орда. Однако мы именуем ее «Индийской» по аналогии с более ранними вариантами песни, ибо название «Золотая Орда», безусловно, проникло в песнь гораздо позже, когда ее сюжет стал интерпретироваться в духе позднейших былин из цикла о татаро-монгольском нашествии на Русь. Кроме того, употребляя топоним «Индийское царство», мы стремимся сохранить исконное понимание земли, в которую отправлялся походом Волх, как потустороннего, фантастического, неведомого человеку мира, аналогом которого Индийская земля выступала в мировом фольклоре с древнейших времен, вспомним хотя бы фантастические рассказы об Индии, лежащей за пределами обитаемого мира, где греки до похода Александра Македонского никогда не бывали, у греческого логографа Гекатея Милетского и следовавшего ему в собственном описании Индийской земли отца истории Геродота.

Очевидно, что никто из дружинников не чаёт остаться в Индийском царстве незамеченным, а вот сам Волх — иное дело. Он обладает таким искусством, благодаря которому успех его миссии гарантирован. И потому он сам без колебаний и сомнений, легко и непринужденно, исполненный решительности, твердости, а главное, уверенности, направляется в стан врага. Подчеркнем бросающуюся таким образом в глаза важную деталь: сюжет былины о Волхе давал исполнителям и аудитории основания полагать, что перемена Волхом своего облика во время первого посещения Индийского царства представляла собой меру предосторожности. Она позволяла ему осуществить то, что невозможно было выполнить в иных условиях, если бы Волх решился отправиться в Индийское царство, не обладая волшебными способностями. А это значит, что перемена облика героем была непременным условием для благополучного как пребывания в, так и возвращения из Индийского царства.

Все вышесказанное на счет эпизода с пребыванием Волха в Индийском царстве без дружины показывает, что попытки понять это приключение Волха в рамках традиционного истолкования его похода в Индийское царство как завоевательного (толкования, естественно следующего из идейной трактовки сюжета, предложенной в самой былине) не дают убедительного результата. Поведение героя песни при учете обстоятельств, в которых он действует, и всех его потенциальных возможностей выглядит странным и не вполне логичным. На наш взгляд, эпизод с тайным посещением Волхом Индийского царства и его вредительство объясняются совсем иначе. Ключ к их пониманию дает тувинская богатырская сказка о богатыре Хайндырынмае Багай-ооле [11, с. 79–119].

В ней главный герой, по имени Хайндырынмай, направляется по поручению хана Булутай-Эге на небеса, чтобы раздобыть у небесного владыки, грозного Сарыг-хана его трон. Заметим, что герой направляется не в реальное земное царство и не к обыкновенному хану, а к владыке небес и, естественно, не намерен завоевывать его владения, что в принципе невозможно. Сарыг-хан — это божество-громовержец²³, его невозможно одолеть земному мужу, даже если он чародей или могучий воин. Единственное, на что может надеяться Хайндырынмай, — это похитить трон, украсть его, обманув или перехитрив Сарыг-хана. Но и это сделать оказывается не так-то просто. Сарыг-хан, как владыка небес, помимо могучей свойственной божеству-громовержцу силы обладает и даром предвиденья. Он наперед узнает о приближении героя и повелевает своему небесному народу найти его и уничтожить. Герой, чтобы избежать гибели, начинает поочередно принимать облик различных предметов и живых существ, пытаясь таким способом остаться незамеченным²⁴. Но Сарыг-хан всякий раз обнаруживает его и направляет своих подданных по его следу. Наконец, по совету своего богатырского коня,

²³ ПФНСДВ / Тувинские народные сказки. С. 99–101; 107–109. Ст. 980–1034; 1135–1200.

²⁴ Там же. Ст. 1135–1225: «Хайндырынмай Багай-оол облик коня своего Хан-Шилги изменил... сам же коршуном стал, в небесных глубинах летал, ястребом стал, над миром летал и обратился в тысячу чижиков — серых пичужек, к низу одёка моего они подлетели и опустились (говорит своим слугам Сарыг-хан. — А. С.). Любую пичужку увидите — убивайте!» (Ст. 1135–1144), «Когда стал подданный люд охотиться за пичужками, Хайндырынмай Багай-оол обратился в семисуставчатую жёлтую травинку и, подхваченный ветром, ханского порога достиг. Грозный Сарыг-хан говорит: “В семисуставчатую жёлтую травинку обратился и явился уже, кулугур! Увидев любую соломинку, жгите-палите!” И подданный люд стал осоку-траву поджигать» (Ст. 1145–1155), «Хайндырынмай Багай-оол, проведая об этом, изменил себя — в овечьего клеща обратился, между кошм забрался и лёг. Грозный Сарыг-хан говорит: “Хайндырынмай Багай-оол в овечьего клеща обратился, между кошм залёг. Сжигайте любого клеща!”» (Ст. 1175–1185).

Хайндырынмай оборачивается неким невиданным пауком, неизвестным Сарыг-хану, и в результате тот не может его найти²⁵. Встревожившись, владыка небес окружает свою юрту девяти тысячным войском и размещает стражу внутри юрты тоже. А Хайндырынмай-паук, взобравшись по юрте, спускается внутрь через дымовое отверстие и незаметно напускает сон на всех присутствующих, включая самого Сарыг-хана. После этого он оплетает паутиной всех воинов хана и портит его собственное оружие и снаряжение: перерезает тетиву у лука, затупляет саблю ударами ею о камни, ломает наконечник его боевой стрелы, разрезает кафтан, срезает подошвы с идиков (войлочной обуви. — А. С.) и перерезает подпруги у седла на коне хана²⁶. После этого он похищает трон и сбегает назад в нижний мир. Пробудившийся в следующее мгновение ото сна хан хватается за оружие и хочет броситься за воров в погоню, но обнаруживает, что все его снаряжение испорчено. В данном эпизоде мотив поступка героя очевиден. Будучи один на один с целым небесным народом и многотысячным войском и вдобавок во главе с самим небесным владыкой, которого в принципе невозможно одолеть силой, Хайндырынмай, как и Волх, прибегает к волшебству и хитрости: меняя обличия, он, наконец, ускользает от преследования, а затем обезвреживает своих врагов, чтобы решить в итоге поставленную задачу, которую невозможно было бы решить одной лишь силой, — похитить трон владыки неба и вернуться с ним обратно на землю невредимым, избежав смертельной погони.

Таким образом, в богатырской сказке «Хайндырынмай Багай-оол» перемена герою своего облика и порча им оружия вызваны простым желанием спасти свою жизнь и благополучно вернуться домой из владений существа несравненно более могущественного по своей природе, чем он сам. Хайндырынмай — не воин-завоеватель, а похититель, перед ним не ставится задача покорения или разорения того края, в который он направляется, что и понятно: ведь он направляется в иной мир, во владения божественного властелина, а не к земному владыке. В былине о Волхе уже другие реалии. Место, куда он направляется, изображается хотя и абстрактно, но как земное царство, в котором правит земной, смертный владыка, покорение которого представляется несравненно более легким делом, чем одоление божества, тем более для такого героя, как Волх, сохраняющего за собой в качестве наследия от исконного сюжета свои волшебные способности, дающие ему несоизмеримые преимущества в сравнении с его абсолютно земным противником. Сюжет быliny выстроен таким образом, что в нем практически невозможно усмотреть былого одиночества Волха и распознать исконный

²⁵ Там же. Ст. 1204–1230: «“До чего же хан Грозный Сарыг могучее существо: девяносто девять волшебных сил у него! В кого я ни обращаюсь — распознаёт!” Конь Хан-Шилиги говорит: — И небывалое в мире оборотничество, сквозь девять небес распознаёт — такое он существо, но есть в мире некий паук — ух как много в нём нечисти-крови! Если изменишь себя, обратившись в него, он только его распознать не сумеет... Тогда Хайндырынмай Багай-оол себя изменил — в большого паука обратился по наказу коня, под основание юрты забрался-залёг. Хан Грозный Сарыг говорит: “Не распознаю, куда подевался! Ещё лучше меня стерегите, ещё лучше охрану несите!” <...> Подданный люд да девять тысяч воинов стали стеречь коней и дворцовую юрту Грозного Сарыг-хана».

²⁶ Там же. Ст. 1233–1265: «Хайндырынмай Багай-оол по верёвке покрытия дымника юрты забрался, под покрытие забрался и стал вить силки между решётками верхнего обруча юрты. Весь подданный люд, как не спавший всю жизнь — шестьдесят-семьдесят лет, не мог сон побороть — во главе с самим Грозным Сарыг-ханом заснул, оказалось. Когда заснул подданный люд, паук подданных людей друг с другом соединил, клеем склеивая... и уши-глаза заклатьем залепил. Усыпив мёртвым сном Грозного Сарыг-хана, у его грозного жёлтого лука тетиву перерезал, сломал чёрный боевой наконечник стрелы, его чёрный меч, белую саблю, побил лезвиями о чёрный камень и белый так, что их зазубрил-затупил... испортил его вещи-предметы нужные, чтобы с мужчиною справиться».

характер его похода. Однако эпизод с тайным рейдом Волха в Индийское царство при тщательном внутреннем анализе его содержания и сравнении с аналогичным эпизодом в более раннем по типу сюжета и идейному содержанию эпическом памятнике показывает, что некогда главный герой этой былины отправлялся в так называемый «поход» в одиночку и не ради покорения чужой земли или ее разорения, а с целью похищения чего-то крайне необходимого и, вероятно, не у простых соседей, а у обитателей иного, потустороннего, волшебного мира, где героя могли спасти и помочь ему выполнить свою миссию только его волшебное искусство и хитрость.

Как мы уже сказали ранее, эпизод с посещением Волхом Индийского царства в одиночку выглядит не вполне логичным, и главным образом потому, что его наличие приводит к образованию в песне дубля — после своего возвращения к дружине Волх вновь, на этот раз вместе с нею, направляется туда же, откуда явился. Один из визитов во вражью землю оказывается явно лишним, а другой неполным. Но какой из них какой? Если допустить, как то и подсказывает весь сюжет былины, что Волх прежде был совершенно один и действовал всегда в одиночку и убрать из песни дружину, которая крайне слабо взаимодействует с главным героем, тогда окажется, что возвращение Волха из Индийского царства и повторное возвращение в него является бессмысленным и даже абсурдным. А это значит, что второй поход Волха в Индийское царство и есть тот самый поздний, лишний эпизод, а первый визит Волха в облики птицы к индийскому царю является исконным, но неполным, оборванным эпизодом песни. Если Волх изначально действовал один, то, попав в Индийское царство, он должен был сразу решить все стоявшие перед ним задачи, а не возвращаться туда через некоторое время, ничего при этом нового не сделав в образовавшийся промежуток времени, что могло бы кардинально изменить ситуацию в его пользу. Более того, становится очевидным, что если Волх, действуя один, не решился явиться в Индийское царство в человеческом облике, то это значит, что он не надеялся в этом облике достичь успеха или по крайней мере выжить. А это говорит о том, что данный персонаж на одном из этапов своего развития представлял тот тип героя, который чрезвычайно характерен для волшебных сказок. Он внешне и физически ничем не отличается от остальных людей и не имеет той богатырской силы, которая позволила бы ему спокойно встретиться с опасностью лицом к лицу, иными словами он довольно слаб. Но его слабость компенсируется волшебными способностями, используя которые он может избежать опасности или даже победить. Само же его волшебство представляет собой в сущности хитрость, обман, но обман сверхчеловеческого масштаба, что делает его нераскрываемым, неосязаемым для антропоморфного врага. Но человеческого противника можно провести и иными способами, коих примеров в мировом фольклоре множество. Но героям волшебных сказок этого мало. Они вынуждены прибегать к волшебству, своего рода сверхобману. И вызвано это тем, что данным персонажам приходится действовать в таких условиях, когда обычной человеческой хитростью и смекалкой ему победить невозможно, и, следовательно, требуется хитрость иного рода — волшебство. В свою очередь эти условия возможны тогда, когда этот герой имеет дело не с простыми, человеческими, земными противниками, а с миром «неземным» и его обитателями. При внимательном прочтении всей былины, и эпизода с порчей оружия в частности, становится очевидным, что Волх действительно стремится разоружить царских воинов и оставить их вообще без какого-либо оружия, но не ради спасения собственной дружины, для чего он мог бы воспользоваться иными методами, а ради спасения своего собственного. Волх готовит благоприятные условия для отступления, или, говоря прямо, бегства из вражеского

царства. Однако причина, побудившая его туда придти, остается для нас неизвестной. С уверенностью можно говорить лишь о том, что в исконном сюжете сказания о Волхе не шло речи о завоевании какого-либо царства, а говорилось о добывании героем в одиночку чего-то очень важного и ценного для него из потустороннего мира.

Итак, путем внутреннего анализа эпизода с походом Волха в Индийское царство и сопоставления полученной картины с эпосом тувинцев нам удалось установить, что сюжет былины о Волхе некогда в древности был иным и сам Волх представлял собой типичного героя волшебной сказки, приключение которого было связано с похищением чего-то крайне важного и нужного в мире, населенном не людьми, а фантастическими обитателями, для противостояния которым простых человеческих сил было недостаточно. Одной из характерных черт подобных персонажей, отправляющихся на поиски чего-то ценного в неведомые края и иные миры, нередко является сохранение за ними рудиментарных признаков и функций культурных героев и предков-прародителей, воспевающих их подвиги народов. К примеру, в затронутом уже нами эпосе тувинцев чертами культурного героя обладает упомянутый выше Хайндырынмай. Перед тем как отправиться в верхний мир для похищения трона небесного владыки, Хайндырынмай сперва готовится все необходимое для жизни своих престарелых родителей на время своего отсутствия. Среди прочего он отправляется на склоны гор и убивает огромное количество дичи, мясо и тук, которой он складывает в две большие горы, затем из костей животных сооружает для родителей дом (словно у них не было прежде никакого жилища)²⁷, причем обращает на себя внимание сам материал строительства, потом отрезает родителям по лучу от солнца и луны, дабы у них всегда был свет, а затем проковыривает пальцем в земной тверди колодец, чтобы у стариков всегда была свежая вода. Перед нами разворачивается не просто картина очень древнего охотничьего быта, а сцена самого настоящего акта первотворения. Хайндырынмай выступает в роли творца-первопредка, впервые обеспечивающего появившихся по его воле на земле людей всем необходимым для жизни. Причем, что характерно, люди, на благо которых он старается, сами, судя по всему, ничего еще не умеют делать, у них нет ни жилья, ни огня или света, ни еды, и они не владеют способами ее добывания²⁸. Вместе с тем Хайндырынмай выступает и как учитель-изобретатель культурных благ (мотив, широко распространенный в мировой мифологии, в том числе и античной). В этом плане показательно жилище, сооруженное им для своих родителей. Обращает на себя внимание не только сам факт его строительства, предполагающий, что до той поры никакого жилья у родителей героя не было вообще, но и материал. Герой использует кости животных, т. е. тот материал, который в обычной жизни представляет собой либо просто отхо-

²⁷ Что, кстати говоря, практически так и есть, ибо ранее в сказке говорится, что родители живут с Хайндырынмаем в шалаше из «сена и травы», который походит явно на временное пристанище, но не на долговременное и основательное жилище, ввиду чего можно заключить, что они ведут полудикий образ жизни, несмотря на то что их быт наполнен различными предметами обихода, вошедшими в сюжет позднее, в ходе его длительного развития под воздействием изменявшихся социальных и культурно-бытовых условий, в которых находились носители данного эпоса на протяжении сменявших друг друга тысячелетий и столетий. — ПФНСДВ / Тувинские народные сказки. С. 55, Ст. 85–90.

²⁸ Старость родителей Хайндырынмая, которая служит объяснением того, почему они сами не в состоянии добыть себе пищу, конечно, является более поздним мотивом. Тот факт, что Хайндырынмай в означенном эпизоде кормит именно людей, не умеющих самостоятельно добывать себе пищу, подтверждается тем, что герой обеспечивает родителей и благами иного рода, которые являются атрибутами «культурной» жизни человека, — огонь/свет, жилье и колодезная вода, позволяющие людям обособиться от дикой природы и ее капризов и впервые создающие условия для возникновения нового, антропогенного мира.

ды хозяйственной деятельности, материал, получаемый из животных, которые служат в первую очередь источником пищи, либо материал, подходящий для изготовления различных предметов быта. Додуматься соорудить из костей именно жилье не простая задача. Фактически Хайндырынмай показывает способы того, как можно продуктивно использовать природные блага. Обратим внимание на то, что кости животных, в отличие от камней, не лежат под ногами и не являются подручным материалом, их еще надо раздобыть, и даже более того, обнаружить, добыв животное и сняв с него плоть. Этот материал сокрыт от глаз и недоступен несведущим людям. И, стало быть, если у его родителей до сих пор не было жилища из костей, охотиться сами они не могли или, если все происходящее в этом эпизоде рассматривать в контексте первотворения, не умели.

Аналогичные черты культурных героев-первопредков и создателей людей просматриваются и в образах других тувинских эпических персонажей, героев богатырского эпоса Боктуг Кириша и Бору Шэлей [12, с. 298–527]. Признаки культурных героев они демонстрируют в одноименной песне дважды. Первый раз, когда они, играя в лесу, вылепливают из глины фигурки людей, домашних животных, миниатюрные подобию юрт и выстраивают из этих игрушечных фигурок целый аал, воспроизводя в мельчайших деталях жизнь настоящего человеческого поселения²⁹. Причем все фигурки настолько реалистично слеплены, что отец маленьких создателей едва смог отличить их от настоящих людей, животных и юрт и в итоге так и не решился их разрушить, хотя и намеревался это сделать, сетуя на то, что дети все время посвящают этой игре и совсем не хотят постигать основ реальной хозяйственной деятельности. Совсем несложно распознать в этих игрушках Боктуга и Бору и в их игре реликт древнего мотива создания демиургом людей и всего сущего из глины или, говоря шире, праха земного. Во второй раз герои являют признаки культурных героев, когда внезапно остаются без родителей и сталкиваются с необходимостью самостоятельного выживания. Процесс их выживания воспроизводит в миниатюре исторический опыт перехода раннего человеческого коллектива от дикости к культуре³⁰. Поначалу дети питаются тем, что находят на месте без следа исчезнувшего поселения, — собирают ранее выброшенные кости животных, вторично варят их или жарят на углях, оставшихся от очага, затем собирают в лесу коренья, ягоды и орехи, ловят мышей и прочую мелкую живность. Но это еще не настоящая охота. Затем они выдумывают силки и перестают ловить дичь голыми руками. Потом они сооружают себе жилье³¹. Правда, здесь герои не во всем начинают свою хозяйственную деятельность с нуля, некоторые очень важные предметы быта и элементы материальной культуры уже имеются у них в наличии, оставшись от исчезнувшего со всеми взрослыми обитателями аала. Это котел, почти потухший очаг, с едва тлеющими углями, которые избавляют брата и сестру от необходимости добывать огонь, топор, который Боктугу нужно лишь наточить, после чего он приступает к валке леса. Но во всем остальном дети оказываются один на один с природой, без опыта культурно-хозяйственной деятельности, и вынуждены все постигать, делать и открывать с нуля.

Волх также сочетает в себе наряду с чертами воина и богатыря признаки культурного героя-первопредка. На эту особенность его образа исследователи обратили

²⁹ ПФНСДВ / Тувинские героические сказания. С. 303–305, Ст. 90–130.

³⁰ Под культурой мы в данном случае понимаем любую созидательную деятельность человека по преобразованию природной среды для удовлетворения собственных жизненных потребностей, результатом которой становится сотворение небывалой прежде антропогенной среды обитания с совокупностью составляющих ее атрибутов материального быта людей.

³¹ ПФНСДВ / Тувинские героические сказания. С. 307–309, Ст. 165–250.

внимание уже давно и наиболее яркой из этих черт считали его оборотничество, указывающее на то, что в фигуре Волха отразились древние тотемические представления предков славян. Другая сторона культурной деятельности Волха проявляется в сцене его совместной охоты со своей дружиной. В ней герой выступает не просто великим охотником, но фактически изобретателем охоты как вида хозяйственной деятельности. Наиболее ярко эта сцена представлена в одном из пудожских вариантов. В нем Волх поочередно оборачивается то в щуку, то в сокола, то в волка и отправляется соответственно то в море, то в поднебесную высь, то в лес, чтобы выгнать оттуда, спрятавшуюся при его рождении живность. Но при этом всякий раз то перед началом охоты, то после выгона животных из их убежищ Волх обращается к дружине с наказом, в котором объясняет, что им самим следует делать. И каждый раз его наказ одинаков. Волх велит им ладить и мастерить тони и сети (иногда еще изготавливать ружья и пули), а потом растянуть их на выходе из лесов, из морских глубин и так далее, дабы прямоком в них угодила вся живность, которую Волх выгонит из ее укрытий, обернувшись зверем, птицей или рыбой соответствующего хищного вида. При этом примечательно, что Волх не просто велит им растягивать сети, но всякий раз указывает отдельные операции по их изготовлению, а после их подготовки еще и объясняет своим соратникам по охоте, зачем собственно эти сети вообще нужны³². Кроме того, примечателен сам по себе тот факт, что Волх велит дружине перед самым гоном именно изготовить сети и тони, т. е. фактически сделать их с нуля, вместо того, чтобы просто велеть им взять их и расставить. Это может говорить только об одном: у дружины не было данных охотничьих приспособлений.

Наблюдая далее за происходящим, мы видим, что Волх оборачивается, по крайней мере в случае с щукой и волком, в таких животных, которые в славянской мифологии традиционно связаны с образами так называемых хозяев стихий — водяного и лесного — и являются их эманацией [3, с. 326–334]. Согласно современной точке зрения

³²ПД № 1, Ст. 32–68:

Пошел Вольга во сине море, / Всех рыб он повыпугал / Со тых станов со глубоких / Во тые тоневья шелковыя; / Всю кунную рыбу повыловил / Со своей дружиной со хороброй. Будет Вольга на крутом берегу, / На крутом берегу удалым молодцем, / И сам говорил таково слово: / «Братцы вы, дружина хоробрая! / Теперь кунная рыба вся повыловлена / Во том ли во славном синем море; / Теперь куниц и лисиц повыловим. / Слушайте же большого атамана, делайте дело повеленое: / Вяжите вы тоневья шелковыя, / Вы пускайте тоневья в леса темные, / По близности славнаго синя моря». Сам-от Вольга сударь Всеславьевич / Обернулся Вольга серым волком, / Побежал Вольга в темны леса. / Его братья, дружина хоробрая, / Слушали большого атамана, делали дело повеленое: / Вязали тоневья шелковыя, / Пускали тоневья во темны леса, / По близности славнаго синя моря. Сам-от Вольга сударь Всеславьевич / Побежал во ты во ломы во великие: / Из тых из ломов из великих / Всех куниц, лисиц, повыпугал / Ко тому ко славному синю морю, / Во тые во тоневья шелковыя, / Будет Вольга на крутом берегу, / На крутом берегу удалым молодцем. / Сам говорил таково слово: / «Кунная рыба вся повыловлена, / И куницы, лисицы все повыловлены».

ПД № 2, Ст. 16–39:

Овернулся Вольга да малой птичиной — / Улетел-то Вольга да он под оболуку, / Ай птицу всю да он порозгонял. / Овернулся Вольга да добрым молодцом: / «Братцы, дружинушка хоробрая! Ставьте-тко пасточки дубовыи, / Сильшка Вы ладьте-тко шелковыи, / Птица не улетела б под оболуку». / Овернулся Вольга да свежей рыбиной, / Ай пошел-то Вольга да в глубоки станы, / Рыбу-то всю да он порозгонял. Овернулся Вольга да добрым молодцом: / «Братцы дружинушка хоробрая! / Ладьте-тко невода шелковыи, / Проволоки Вы кладите да золочоныи, / Рыба не ушла б в глубоки станы!» / Овернулся Вольга да лютыйм зверём, / Ай ушел-то Вольга да во темны леса, Зверей-то всех да он порозгонял. / Овернулся Вольга да добрым молодцом; / «Братцы дружинушка хоробрая! / Ладьте-тко пищалочки винтовыи, / Закатите-тко пулечки калёныи, / Звери не ушли б да во темны леса».

фольклористов, связь этих фантастических, мифологических персонажей с данными животными имеет тотемные корни и происходит из почитания в древности предками славян щуки и волка, а также и множества других животных в качестве первопредков того или иного племени или рода [3, с. 255, 328–329]. Хорошо известно из быличек и бывальщин, происходящих из многих областей и уголков России, что как леший, так и водяной являются хранителями природных богатств и именно они своей волей либо посылают в сети охотников и рыбаков добычу, либо ее не дают [3, с. 270–280, 342–346]. Так, леший, например, в случае благосклонности к какому-либо охотнику, в изобилии гонит в его силки или под ружье дичь (как зверей, так и птиц), укрывающуюся в самой глухой лесной чаще [3, с. 265]. Также известно, что именно глухой, девственный и заколодевший лес является тем местом, где леший прячет своих подопечных и где обитает сам. Эти факты мифологических представлений славян о духах-хозяевах и их поведении и взаимоотношениях с человеком точь-в-точь соответствуют тому, как ведет себя и что делает Волх в сцене охоты. Он оборачивается одним из животных-воплощений духов-хозяев, направляется в самое сердце стихии, в ее заповедные глубины, где обычно обитают эти духи, и подобно им выгоняет оттуда морских, лесных и небесных обитателей навстречу сетям охотников. Все это, безусловно, типологически сближает Волха с духами-хозяевами славянской мифологии и указывает на его древнюю тотемическую природу.

Но в вышеперечисленных фактах есть одна особенность: в мифологической прозе духи-хозяева, как и Волх, обычно выступают хозяевами, хранителями и распределителями ресурсов, а не создателями. Они повелевают животными, но не выступают напрямую их творцами. В песне же о Волхе есть несколько деталей, которые позволяют видеть в нем не только признаки предка с чертами хозяина стихии, но и предка-тотема с чертами творца всего сущего на земле, подобно чукотскому (палеоазиатскому) Ворону. Для этого надо вернуться к зачину песни и вновь внимательно посмотреть на ряд деталей. Традиционно во всех вариантах былины говорится, что как только Волх рождается, все животные (рыбы, звери и птицы) в тот же миг, чуя рождение великого охотника, а стало быть, и грозящую им гибель, спасаются бегством, забираясь в самые глухие леса, глубокие воды морей и верхние небесные дали. Обратим внимание на интересный факт: все они сбегает одновременно с рождением Волха. Говоря иными словами, все остальное время песни, пока Волх не устраивает на них охоты, т. е. пока он растет, мужает и набирает себе дружину, животных просто нет³³. Другая любопытная деталь прослеживается из сцены охоты уже в отношении самой дружины. Выше мы указали, что Волх велит им вязать снасти для охоты, указывает, как это надо делать, дает некоторые инструкции по деталям их изготовления и, кроме того, объясняет, зачем все это вообще нужно. На наш взгляд, все это указывает на то, что у дружины Волха а) не было охотничьего снаряжения до сей поры, б) она в принципе не знала, что собой представляет охота, т. е. не знала этого типа хозяйственной деятельности прежде. Вместе с тем в былине нигде ни разу не указываются какие-либо иные способы добывания дружиной пищи, кроме совместной охоты с Волхом, там нет ни земледелия, ни собирательства.

³³ Об этом фактически прямо говорится и в одном онежском варианте былины, где Волх так же, как и в пудожских вариантах, велит дружине вязать силки и растягивать их в лесах и на деревьях и ловить зверей и птиц, но когда дружинники выполняют повеление и расставляют в лесу силки, то у них ничего не выходит. Они тщетно ждут три дня и три ночи, но звери и птицы так и не появляются и не попадают в ловушки. И тогда уже Волх оборачивается хищником и пускается в глубокие чащи и в далекую небесную высь, чтобы выгнать животных из их укрытий и погнать навстречу заготовленным силкам, см.: [2, с. 68–72].

Дружина Волха живет только охотой и рыболовством, так она делает до похода, с того момента как он ведет ее на охоту, так она живет и в походе. Но если она не ведаёт иных источников пропитания и способов их добычи и до возмужания Волха и охоты вместе с ним сама не охотится, то чем же вся эта дружина питалась все то время, пока Волх рос, а равно и до момента его рождения? Тот же вопрос возникает и в том случае, если мы вспомним, что на момент рождения Волха на земле не остается животных, они все прячутся так далеко, что никому, кроме Волха, невозможно их достать. Так как же дружина жила все это время и что вообще означает это таинственное бегство животных в былине, делающее невозможным сам факт существования не только дружины, но и кого бы то ни было вообще из людей в былине?

Ответ нам представляется довольно простым, но в этой его простоте раскрывается вся уникальность былины о Волхе. Очевидно, что мотив убегания животных в момент рождения героя заменил собой в сюжете мотив их отсутствия. А сам эпизод с охотой Волха и дружины представляет собой реликт древнего мифа о том, как культурный герой и тотемный предок научил созданных им перволюдей приемам и способам добывания пищи. Такая схема распространена в древних мифах. Сначала герой-первопредок создает людей, а потом задумывается об обеспечении их пищей, жильем и прочими благами и постепенно приступает к их созданию. Ту же картину мы наблюдаем в былине о Волхе. Только тут герой не создает дружину, а она сама ждет его рождения и взросления и затем получает от него пропитание. Интересно так же, что это не самая древняя стадия развития подобного мифа о герое-творце, ибо здесь Волх формально не создает животных, а только выгоняет их из заповедных мест, т. е. из ниоткуда. Возможно, когда-то давно была и другая версия мифа о Волхе, в которой описывался и эпизод творения. Но точного его содержания мы не знаем. Однако бесспорно в былине сохранились черты мифа о творении, в котором герой-первопредок впервые обеспечивает созданных им людей пищей.

Подобие того, как это могло выглядеть, дают, к примеру, мифы палеоазиатов о Вороне и мифы хантов и манси о появлении людей. Ситуация, когда творец создает вначале людей и только потом задумывается об источниках их пропитания и в итоге создает животных, на которых они могут охотиться или которых могут разводить, характерна для цикла мифов о Вороне [1, с. 164, № 53; с. 167–169, № 57; 13, р. 151–154]. В одном из мифов Ворон сначала создает людей, вернее, его жена рождает их, а потом он по их собственной просьбе создает для них землю с рельефом, реками и озерами, океан и затем наполняет землю и воды различными животными: от медведя и волка, до разных морских млекопитающих и рыб, причем создает их из стружки от деревьев различных пород [13, р. 153–154]. В других мифах он опять же создает для пропитания людей оленей уже после создания их самих. Но в одном случае он создает стада оленей из кустарника [1, с. 164, № 53], а в другом спускает оленей на землю с небес [1, с. 168–169, № 57]. И это уже наиболее поздняя версия творения, поскольку Ворон в ней превращен из тотемного предка в старика-небожителя.

В мифах же хантов и манси творец и первопредок по имени Нум Торум тоже вначале создает на земле людей, но не обеспечивает их пищей. Затем, когда он осознает, что им надо чем-то питаться, он выгоняет на просторы тундры из глухих лесов стада оленей и повелевает людям на них охотиться, дабы тем добывать себе пропитание. Мотив сотворения животных замещает мотив их выгона из заповедных мест их обитания. Как и в былине о Волхе, мы сталкиваемся с ситуацией, когда люди на земле уже есть, а животных нет, и первым нечем питаться. И так же как в былине, в этом мифе Нум

Торум выгоняет зверей из глухих лесов и велит людям на них охотиться, в то время как до выгона зверей эти люди и не подозревали об их существовании, а равно и о прочих источниках пищи [6, с. 299]³⁴.

Дополнительным подтверждением того, что в былине о Волхе запечатлены отголоски древнего мифа творения, является и еще один факт — сама форма охоты в былине. Эта охота чем-то напоминает загонную коллективную. Здесь объединяется воедино большое число участников, для охоты используют длинные сети, которые ставят сообщца, и сообщца ловят в них добычу, есть здесь и гон в сети дичи и рыбы. Но одна деталь все же отличает ее от загоной коллективной охоты: сами охотники, в лице дружины, не участвуют в загоне, они лишь пассивные участники и только ловят бегущую в их руки дичь. Гон осуществляет всего один персонаж — сам Волх. Без него охотникам-дружинникам в жизни не довелось бы выгнать животных из тех укрытий, в которые они ушли. Из этого обстоятельства следует закономерный вывод: эти люди-охотники еще не могут охотиться самостоятельно, сами добывать себе пищу. Результатом описываемой в былине охоты является обретение дружиной N-го запаса еды на N-й промежуток времени. И совершенно очевидно, что когда этот запас иссякнет, им потребуется повторить всю охоту вновь, по той же схеме, и вновь дичь будет гнать Волх. Конечно, если предположить, что Волх выгнал не всю живность. Если же благодаря его рейду по лесам, небесам и глубинам животные вышли из своих укрытий раз и навсегда и навели мир, то дружина сможет сама добыть себе вновь пищу. Ясно, что одно из двух этих следствий было итогом этого восстанавливаемого из былины мифа творения в его изначальном виде. Но, какое из них точно, сказать пока трудно. В мировом фольклоре есть варианты тотемных мифов, в которых созданные героем люди долгое время так и живут, периодически обращаясь за помощью к своему родоначальнику с целью получения пищи.

Ярким примером такого рода взаимоотношений мифического прародителя и созданных им людей и такого способа их прокормления на заре их жизни может служить кетский миф о Кайгусе. Этот мифический герой живет на опушке леса на берегу реки вместе с семьей семьями, проживающими отдельными группами. В отличие от Волха, он уже не обладает внешне выраженными врожденными волшебными способностями, однако у него в наличии есть ряд волшебных предметов, используя которые он достигает во время охоты тех же результатов, что и Волх. Охотится же Кайгусь по следующим причинам и следующим образом. Его народ не умеет самостоятельно добывать себе пищу, и всякий раз просит сделать это Кайгуся. Когда еда у людей его рода заканчивается, кто-нибудь из них подходит к нему и бьет колотушкой по уху. Кайгусь тем временем спит беспробудным сном и сам, как видно, в пище не нуждается (эту черту можно

³⁴ «Когда люди на земле появились, Крылатая Калм снова полетела к Нум-Торуму. Сназала ему так:

— Ну вот, люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем они будут кормиться, чем прикроют от холода свои тела?

Нум-Торум голову опустил, долго думал. Потом так ответил:

— Крылатая Калм, лети обратно на землю. В тайге, в лесной чаще будет много сохатого зверя; на болота, в тундру я пушу оленей. Там они будут жить, пищу для себя искать, а люди пусть ходят туда на промысел.

Крылатая Калм спустилась на землю. Йолп-Торум-сянь спрашивает её:

— Какую весть ты принесла от своего отца?

— Нум-Торум так сказал: в тайгу, в лесную чащу, на болота и в тундру я пушу оленей и сохатых зверей; туда будут ходить люди добывать себе пищу».

заметить и за Волхом), и лишь удар колотушкой будит его. Узнав, что его людям нужна пища, он встает, отправляется на охоту, приносит большой запас дичи или рыбы, чтобы его хватило надолго, и снова укладывается спать. И затем спит до той поры, пока пища у его людей вновь не иссякнет и кто-нибудь из них вновь не пойдет его будить, чтобы он вновь раздобыл для всех еды [5, с. 169–170, № 95]. Охотится же Кайгусь, тоже прибегая к волшебству, но не к оборотничеству, как Волх, а используя волшебные предметы, которые приманивают к нему в неограниченном числе рыб, зверей и птиц. Этих предметов два, но главный из них один — волшебная дудка, на звуки которой и сбегаются звери, слетаются птицы и подходит к берегам рыба. А второй предмет — черемуховый посох, которым Кайгусь убивает замороженную дичь, которая даже не пытается сбежать. Как и в былине о Волхе, в мифе о Кайгусе тоже просматривается связь между животными, обитающими во всех трех средах, и центральным персонажем, выполняющим роль родоначальника и охотника. И связь эта тоже сверхъестественная. Но, как и в былине, она уже сильно видоизменена. Прямая власть Кайгуся над животным миром замещается силой воздействия волшебного предмета, а сотворение животных уступает место мотиву их выманивания из их укрытий. Но что особенно важно в этом мифе для анализа сюжета былины о Волхе, так это то обстоятельство, что здесь родоначальник постоянно кормит сотворенных им людей, а сами они никакого пропитания себе без него добыть не могут и никакими навыками охоты не обладают, а равно не ведают и иных типов хозяйственной деятельности, что говорит о том, что в лице этого коллектива перед нами предстает первая община сотворенных на земле людей. Эта картина во многом типологически схожа с тем, что мы наблюдаем в былине на примере взаимоотношений Волха и его дружины. И это дает твердое основание утверждать, что в сюжете былины о походе Волха в Индийское царство запечатлены в сильно измененном виде мотивы древнего мифа о сотворении первых людей и создании для них творцом, который одновременно является и их тотемным прародителем, всяческих благ, в том числе и источников пищи, в виде разнообразных животных, на которых эти люди могли охотиться. Сопоставление имеющихся в былине мотивов с материалами мифов других народов показывает, что в данном случае в былине отразилась особая вариация мифа-творения, очевидно, более молодая в сравнении с остальными, в которой предок-создатель не производит животных из какой-либо материи, а выгоняет их в населенное людьми пространство из заповедных мест их изолированного обитания, а говоря иными словами, из ниоткуда. Эту вариацию следует признать более молодой потому, что животные мыслятся в ней как уже существующие на момент создания людей, и творцу остается только вывести их к людям. Хотя это еще вопрос, какая из двух версий наполнения территории обитания людей животными более древняя, потому что создание животных из других материй, в частности из стружки деревьев, предполагает обращение демиурга к сложным техническим манипуляциям и представляет собой процесс созидания, т. е. искусственного сотворения чего-то, чего нет в природе.

Таким образом, текстологический и сравнительно-типологический анализ былины о Волхе обнаруживает в ней конкретные отголоски еще двух типов эпических произведений, легших в основу ее сюжета и, соответственно, еще двух стадий на пути долгой эволюции сюжета, в котором в качестве главного персонажа фигурировал Волх. Это этап, когда Волх выступал в качестве героя-одиночки так называемой волшебной сказки, в которой его главным приключением состояло в посещении потустороннего мира и похищении у его обитателей какой-то ценности. И этап, еще более ранний, когда Волх

выступал в роли прародителя и создателя первых людей на земле, причем действовал он по распространенной в фольклоре многих народов схеме: сначала создавал людей, а потом приступал к сотворению источников пищи для них. Впоследствии сотворение промысловых животных сменилось их выгоном из лесов, морских глубин и небес, а затем к этому добавился и новый мотив — обучение первых людей охоте как основному типу хозяйственной деятельности. Однако этому этапу развития мифа предшествовала другая стадия, когда Волх-творец был вынужден сам регулярно охотиться и добывать для людей пищу, поскольку они сами этого делать не умели. Установление точной последовательности возникновения и развития в мифе всех этих этапов представляет собой отдельную задачу. Нашей целью было объяснение тех логических несоответствий, которые наблюдаются в этой уникальной былине и понимание того, что за ними стоит.

Сокращения

ПД — Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. СПб.; М.: Наука, 2013. Т. 16: Былины Пудог. 1296 с.

ПФНСДВ — Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока: в 60 т. Новосибирск: Наука, 1990–2008.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Имп. Акад. наук, 1900. Ч. I. 417 с.
- 2 *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1983. 340 с.
- 3 *Криничная Н. А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический Проект, Гаудемаус, 2004. 1013 с.
- 4 *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2004. 466 с.
- 5 Мифы, предания, сказки кетов. М.: Наука; Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 343 с.
- 6 Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
- 7 *Носов Н. Н.* Исторические и мифологические прототипы былинного образа Волха / Вольги: источники и гипотезы // Традиционная культура: Научный альманах. 2008. № 4 (32). С. 32–44.
- 8 *Носов Н. Н.* Волх / Вольга как герой раннеэпического образца: (Мифологическое происхождение и социальный статус) // Традиционная культура: Научный альманах. 2011. № 3 (43). С. 19–27.
- 9 *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 638 с.
- 10 Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. СПб.; М.: Наука, 2013. Т. 16: Былины Пудог. 1296 с.
- 11 Тувинские народные сказки. Новосибирск: Наука, Сибирская издат. фирма, 1994. 459 с.
- 12 Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. 583 с.
- 13 *Bogoras W. G.* Chukchee Mythology. Memoir of the American Museum of Natural History. New York, 1910. Vol. 8. 202 p.

***

© 2018. Alexander K. Sukharev
Moscow, Russia

**WHY VOLKH INVADED THE INDIAN LAND? OR THE TRAILS OF THE
ANCIENT HEROIC AND MYTHICAL TALES IN THE RUSSIAN EPIC TALE
“VOLKH VSESLAVIEVICH”**

Abstract: This article inquires two principal episodes in the Russian epic tale “Volkh Vseslavievich”, which relates about the Volkh's campaign against Indian kingdom. The first episode is the joint hunting of Volkh and his warriors on different animals, including forest wild beasts, birds and sea fish, before or on the march to the borders of Indian land. The second is the Volkh's secret visit to the Indian land before his invasion. The material of second episode reveals some initial features of Volkh linking him with others heroes of traditional world-known heroic fairy tales. Like those figures in the archaic core of the tale Volkh visited the other world alone with the purpose of getting some useful objects by the means of robbery, abduction or theft. During this adventure he had to oppose supernatural force of the other world's lord, using his own magical abilities not to vanquish but to deceive this powerful creature. The second episode of the tale gives material for reconstruction of main features of the old creation myth, where Volkh played a role of the creator of humans and different animals. Perhaps this was the oldest role of Volkh known to us, which links him with similar totem-creators presented in the tales of Siberian hunting peoples.

Keywords: Volkh, culture hero, creation tale, totem, heroic tale, Russian folklore, epic tale, epic hero.

Information about author: Alexander K. Sukharev — PhD in History, Moscow State Institute of Culture, Bibliotechnaya Str., 7, 141406 Moscow Region, Khimki, Russia. E-mail: Sukharev_AK86@mail.ru

Received: September 25, 2017

Date of publication: June 15, 2018

For citation: Sukharev A. K. Why Volkh invaded the Indian land? Or the trails of the ancient heroic and mythical tales in the Russian epic tale “Volkh Vseslavievich”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 48, pp. 179–199. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Bogoraz V. G. *Materialy po izucheniju chukotskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskoi okruge* [The materials for studying Chukchee language and folklore, collected in Kolyma region]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1900. Part I. 466 p. (In Russian)
- 2 Gil'ferding A. F. *Onezhskie byliny* [Byliny of Onega region]. Arhangel'sk, Severo-Zapadnoe knizhnoe izd-vo Publ., 1983. 340 p. (In Russian)
- 3 Krinichnaja N. A. *Russkaja mifologija: mir obrazov fol'klora* [Russian mythology: the world of the folklore characters]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Gaudemaus Publ., 2004. 1013 p. (In Russian)
- 4 Meletinskij E. M. *Proishozhdenie geroicheskogo jeposa. Rannie formy i arhaicheskie pamjatniki* [The origin of heroic epos. The early forms and archaic sources]. Moscow,

- Nauka Publ., 2004. 466 p. (In Russian)
- 5 *Mify, predanija, skazki ketov* [The kety's myths, legends and tales]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 343 p. (In Russian)
- 6 *Mify, predanija, skazki hantov i mansi* [The myths, legends and tales of khanty and mansy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 568 p. (In Russian)
- 7 Nosov N. N. Istoricheskie i mifologicheskie prototipy bylinnogo obraza Volha / Vol'gi: istochniki i gipotezy [The historical and mythological prototypes of Volh's / Volga's figure in Russian byliny: the sources and hypotheses]. *Tradicionnaja kul'tura: Nauchnyj al'manah*, 2008, vol. 4 (32), pp. 32–44 (In Russian)
- 8 Nosov N. N. Volh / Vol'ga kak geroj rannejepicheskogo obrazca: (Mifologicheskoe proishozhdenie i social'nyj status) [Volh / Vol'ga like a hero of early epic tradition: his mythological origin and social status]. *Tradicionnaja kul'tura: Nauchnyj al'manah*, 2011, vol. 3 (43), pp. 19–27 (In Russian)
- 9 Propp V. Ja. *Russkij geroicheskiy jepos* [The Russian heroic epos]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 638 p. (In Russian)
- 10 *Svod russkogo fol'klora. Byliny: v 25 t.* [The complete Russian folklore]. St Petersburg, Moscow, Nauka Publ., 2013. Vol. 16: Byliny Pudogi, 2013. 1063 p. (In Russian)
- 11 *Tuvinskie narodnye skazki* [The folk tales of Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 459 p. (In Russian)
- 12 *Tuvinskie geroicheskie skazanija* [The heroic tales of Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997. 583 p. (In Russian)
- 13 Bogoras W. G. *Chukchee Mythology. Memoir of the American Museum of Natural History*. New York, 1910. Vol. 8. 202 p. (In English)